

ДИСТАНТНЫЙ ДИАЛОГ АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТОВ (на материале современного немецкого языка)

Ключевые слова: функционально-семантическая категория апеллятивности, адресованность, диалог, тип текста, класс текстов, текстовая категория, апеллятивный текст, регулятивный текст.

В статье рассматривается класс апеллятивных текстов, отличительной особенностью которого является наличие апеллятивной функции. Апеллятивная функция как функция специфического воздействия, предполагающего побуждение адресата к совершению предречевого, речевого и/или посткоммуникативного действия с ментальной, эмоциональной и/или физической реакцией имеет в апеллятивном тексте эксплицитное выражение. Совокупность взаимодействующих языковых единиц с семантикой апеллятивности регулярно репрезентирует в апеллятивном тексте функционально-семантическую категорию апеллятивности. Апеллятивная доминанта как фокусирующий компонент подчиняет и трансформирует остальные компоненты текста, занимает его сильные позиции, обеспечивает интегрированность структуры, оказывает влияние на имманентные текстовые категории. Акцентированная с помощью функционально-семантической категории апеллятивности адресованность превращает монологический по своей речевой форме апеллятивный текстовый прототип в диалогически открытый дискурс. Апеллятивный текст, будучи монологическим по форме, обнаруживает признаки диалогичности, среди которых можно выделить следующие: ориентация на конкретного адресата, получение «текста-реакции» в ответ на «текст-стимул», напоминающее обмен репликами в диалоге, особенности языковой архитектуры, в которой присутствуют характерные для диалога формулы приветствия, прощания, прямое обращение, набор речевых актов. Апеллятивный текст организует письменный диалог, функционирующий на основе больших блоков, растянутый во времени. Антропоцентры апеллятивного общения выступают в процессе коммуникации как взаимодействующие, рефлексиирующие личности. Признак диалогичности позволяет отграничить апеллятивный текст от регулятивного текста, наделенного аналогичным коммуникативно-прагматическим содержанием побуждения к действию. Реализацию побуждения к действию в регулятивном тексте отличает имплицитная однонаправленная обращенность к адресату.

E. V. KOMLEVA

Orenburg State Pedagogical University

DISTANT DIALOGUE OF THE APPELLATIVE TEXTS (On Modern German)

Keywords: semantic and functional category of appellation, addressing, dialogue, text type, text class, text category, appellative text, regulatory text.

The article considers a class of the appellative texts, the distinguishing feature of which is the existence of an appellative function. The appellative function as a function of a specific impact presupposing the motivation of the addressee to perform both pre-speech and speech as well as the post-communicative actions with a mental, emotional and/or physical reaction has an explicit expression in the appellative text. The aggregate of interacting linguistic units with the semantics of appellation represents in the appellative text regularly a functionally semantic category of appellation. The appellative dominant as a focusing component subordinates and transforms the remaining components of the text, takes its strong positions, provides the integration of the structure, influences the immanent text categories. The addressing, that is accented with the help of a functional-semantic category of appellation, makes the monologue speech form of the appellative text prototype in a dialogically open discourse. The appellative text, being monologue, reveals the following signs of the dialogue: orientation to a specific addressee, receiving a "text-response" in response to the "text-stimulus" resembling the exchange of cues in the dialogue, features of the linguistic architectonics in which there are welcome formulas, farewells, direct treatment, a set of the speech acts characteristic for the dialogue. Appeal text organizes a written dialogue, functioning on the basis of large blocks, stretched in time. Anthropocenters of appellative communication appear in the process of the communication as interacting, reflecting personalities. The sign of dialogue allows us to distinguish the appellative text from the regulatory text endowed with a similar communicative and pragmatic content of the motivation for action. The realization of the motivation for action in the regulatory text is distinguished by the implicit unidirectional appeal to the addressee.

1. Методологические основания изучения класса апеллятивных текстов

Ономасиологический подход, определяющий направление лингвистических исследований от функции к средствам ее выражения, в определенной мере перекликается с проблемой функций речи. Функции речи, в отличие от функций языка, проявляются лишь в определенных ситуациях общения [17]. Несмотря на то что исследователи языка выражают разные мнения относительно количества и характера речевых функций, во многих научных работах, посвященных функциям речи, выделяется интересующая нас апеллятивная речевая функция [20; 12; 6; 16; 19; 18; 11]. Апеллятивная функция имеет следующее назначение: «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям» [12, с. 9].

Изучение речевых функций неминуемо сопровождается исследованием единиц языка, реализующих данные функции, и дает импульс для анализа способности функций выступать в качестве классификационного принципа для конструирования различных систем языковых средств. Уточним, что функция при этом трак-

туется как цель употребления, назначение того или иного средства или комбинации средств [7, с. 92]. Данная трактовка функции принимается функциональной грамматикой, научная концепция которой включает семантические функции, понимаемые как использование речи с целью передачи смысла, скрытого в мысли и отражающего смыслозначимые свойства предметов, явлений, действий и отношений между ними во внешнем мире [3, с. 40]. В рамках понятия семантической функции в функциональной грамматике вводится выражение вариантов языковой семантики [4, с. 84].

Соотношение значения и функции, изучаемое в рамках функциональной грамматики, базируется на принципе объединения языковых элементов на основе общности выполняемой функции как их семантического инварианта [2]. Семантическая общность, рассматриваемая на функционально-семантической основе, квалифицируется как функционально-семантическая категория [5].

Научная концепция функциональной грамматики А. В. Бондарко [2] является методологическим основанием для объединения разноуровневых языковых средств, выполняющих апеллятивную функцию в рамках функционально-семантической категории апеллативности (ФСКА) [9]. Эталонный репрезентант (прототип) ФСКА, отличающийся максимальной концентрацией специфических признаков апеллативности, включает побуждение к действию (речевому или посткоммуникативному), ориентированное на адресата, определенного либо как член класса, рода или вида, либо как носитель уникальных свойств, который в состоянии осознать и адекватно понять адресованную ему интенцию адресанта [9].

Комплекс языковых средств с семантикой апеллативности может быть представлен как функционально-семантическое поле апеллативности (ФСПА) по следующим признакам: наличие семантического инварианта побуждения к действию, ярко выраженного ядра поля, включающего элементы, наиболее полно передающие апеллативное значение, внутрисистемное взаимодействие конститuentов поля, возможность замены одного языкового средства с семантикой апеллативности другим в определенных условиях. Ядерными компонентами ФСПА являются конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительные предложения. ФСПА имеет трехчленную структуру. Трехчленная структура подчеркивает три типа отношений семантики апеллативности к синтаксической структуре предложения и позволяет

рассматривать ФСПА как макрополе, состоящее трех микрополей: микрополя вокативности, микрополя побудительности, микрополя интеррогативности. Семантическая близость обращений, побудительных и вопросительных конструкций представляется достаточно очевидной. Обращения, побудительные и вопросительные конструкции выполняют апеллятивную функцию: обращение побуждает к участию в коммуникативном процессе, различные конструкции с семантикой побуждения к действию побуждают делать, вопрос побуждает говорить или делать. Микрополе вокативности находится с микрополями побудительности и интеррогативности в причинно-следственных отношениях, характеризующихся диалектической обусловленностью и синергетическим взаимодействием.

Ядро микрополя вокативности имеет бицентрическую структуру, включающую средства синтаксического уровня — предложения-обращения, а именно обращения-регулятивы и адресующие обращения. Адресующие обращения выделяют определенного адресата побуждения из множества других возможных адресатов через указание на его уникальные или на общие для всех членов данного класса адресатов свойства. Периферию микрополя вокативности образуют средства морфологического уровня — местоимения *Du* 'ты', *Sie* 'Вы', *Ihr* 'вы', которые в качестве дейксиса указывают на адресата, не называя его. Наиболее эксплицитная передача апеллятивного значения, включающего указание на силу побуждения, эквitemпоральность побуждения как речевого действия, наличие субъекта-лица как актора, изъявляющего волю, и определенной личности исполнителя действия осуществляется директивным речевым актом — ядерным компонентом ФСПА. В центральной зоне микрополя побудительности расположены формы императива, характеризующиеся регулярностью выражения побуждения к действию. На периферии поля побудительности находятся средства косвенного выражения побуждения, языковые единицы, реализующие модальность долженствования и разрешения. Компонентами функционально-семантического поля интеррогативности являются вопросительные предложения с вопросительным и без вопросительного слова.

Статус апеллятивности как функционально-семантической категории подчеркивает ее деятельностьную сторону, то есть актуализацию данной категории в речи, в тексте.

2. Прототипические характеристики апеллятивного текста

2.1. Функционально-семантическая категория апеллятивности как репрезентативная особенность апеллятивного текста

Функциональная направленность целого текста обуславливает, как известно, характер его категориальных доминант. Наш исследовательский материал подтверждает наличие текстов, в которых очевидна функционально-прагматическая апеллятивная доминанта. Апеллятивные тексты — тексты с доминантой «обращение/требование» — характеризуются наличием четко определенной апеллятивной функции. Основной для апеллятивных текстов является функция специфического воздействия, предполагающего побуждение определенного адресата к совершению предречевого, речевого и/или посткоммуникативного действия с ментальной, эмоциональной и/или физической реакцией [9, с. 139]. К апеллятивным текстам относятся деловые письма (*Bittschreiben* «письма-просьбы», *Mahnbriefe* «письма-напоминания», *Reklamationsschreiben* «рекламации», *Bewerbungen* «заявления о приеме на работу»), обиходно-деловые письма (*Beschwerdeschriften* «жалобы», *Anklageschriften* «иски», *Empfehlungsschreiben* «рекомендательные письма»), частные письма (*Einladungen* «приглашения»), военные приказы (*Militärbefehle*), служебные распоряжения (*Anordnungen*), религиозные проповеди (*religiöse Predigten*), тексты военной и политической пропаганды (*Flugblätter* «листовки», *Plakate* «плакаты»), агитационные выступления политиков (*Appell an die Nation* «воззвание к нации»). Апеллятивный текст направлен на создание прагматического эффекта, определяемого как воздействие, которое данный текст оказывает на адресата. Результатом воздействия, осуществляемого апеллятивным текстом, является побуждение адресата к совершению действия, при этом важной прагматической особенностью является контроль адресанта за наступлением перлокутивного эффекта.

Коммуникативная направленность апеллятивного текста как целостной системы воплощается в доминирующей апеллятивной текстовой функции. Апеллятивная функция обеспечивает и существование текстового прототипа — лучшего варианта ее реализации. Репрезентативной прототипической особенностью апеллятивного текста является коммуникативно-прагматическое ядро, включающее побуждение к действию с прямой обращенностью.

Данное коммуникативно-прагматическое ядро реализуется в апеллятивном тексте ФСКА, представленной двумя комбинациями ядерных разноуровневых языковых средств с семантикой апеллятивности: обращением и интеррогативным речевым актом или обращением и директивным речевым актом.

ФСКА, являясь семантической доминантой апеллятивного текста, обеспечивает его прототипические признаки. К одному из таких признаков относится максимальная степень эксплицитности языковой информации, подаваемой адресантом для обеспечения однозначности интерпретации. В этой связи к важным прототипическим признакам апеллятивных текстов следует причислить определенность субъектов коммуникации. Наличие эксплицитно обозначенных адресанта и адресата, их стабильная локализация в тексте обеспечиваются референциальной определенностью всех содержащихся в апеллятивном тексте элементов субъектной и хронотопической семантики. Речевая ситуация, в которой разворачивается апеллятивный текст, характеризуется референциальной определенностью ее участников, эквитемпоральностью, совмещенностью хронотопа адресанта и адресата, что обеспечивает неотрывностью апеллятивного текста от локально-временного континуума.

Референция в апеллятивном тексте имеет центростремительный вектор обращенности к определенному адресату и поддерживается временной и/или топографической локализованностью самого текста, например через соответствующий реквизит «дата и место создания», предвещающий или замыкающий деловой текст. Требование определенности референции субъектных и хронотопических элементов релевантно для любого текста. Однако есть формы речи, к которым относятся и рассматриваемые апеллятивные тексты, где субъектно-объектная референциальная определенность проявляется наиболее ярко и последовательно. Четкое представление об адресате закладывается в основу текстообразования и отражается в структуре апеллятивного текста через прямое обращение.

Прямое характеризующее обращение как важный прототипический признак, находящийся в препозиции к апеллятивному тексту, называет адресата действия, выделенного из множества других, — например: *Herr Schmieg* «Господин Шмиг», *Herr Präsident* «Господин президент» — или идентифицируемого до уровня рода или вида, на-

пример: *Proletarier aller Länder* «Пролетарии всех стран», *Liebe Leser* «Дорогие читатели», *Soldaten und Offiziere* «Солдаты и офицеры». В апеллятивных текстах обращение обладает сильной текстовой валентностью. Будучи адресованными конкретному адресату, обозначенному в начале текста при помощи обращения, апеллятивные тексты приобретают значимость для узкого круга читателей. Апеллятивные тексты создаются адресантом для целевой аудитории, которая может быть массовой или представлять индивидуального реципиента-интерпретатора. Прямое обращение задает силу побуждения, определяет речевые стратегии и тактики с ориентацией на указанного в обращении целевого адресата. Говоря о целевом адресате апеллятивного текста, мы имеем в виду направленность текста на определенного адресата, обозначенного в препозиции к тексту прямым обращением. Представление о целевом адресате, то есть об адресате целенаправленного воздействия, — необходимая presupposition всякого апеллятивного текста.

Адресату, выделенному из множества других через прямое обращение, принадлежит ведущая роль в организации не просто адресованности, а целенаправленной обращенности апеллятивного текста. Апеллятивный текст переводит воздействие адресанта на адресата на уровень их взаимодействия в процессе речевого общения. Взаимодействие адресанта и адресата с целью побуждения последнего к действию при помощи апеллятивного текста отражается на текстовом уровне через внутрисистемное взаимодействие конститuentов ФСПА. Внутрисистемное взаимодействие в среде, в тексте, проявляется не просто во взаимодействии конститuentов ФСПА для реализации апеллятивной доминирующей функции, но и во взаимообусловленности обозначения адресата через прямое обращение и силы побуждения, речевых стратегий и тактик, способствующих эффективности побуждения.

Следующей сущностной характеристикой апеллятивного текста, логично вытекающей из всех названных выше особенностей, является его диалогическая открытость. Диалогическая открытость, выступающая в апеллятивном тексте в интересубъектной форме, «обостряется» референциальной определенностью всех субъектов коммуникации. Диалог есть духовно-событийное и ценностно-смысловое со-существование, как взаимоотношение, взаимодействие, взаимопроникновение личностей, сознаний, идей, как сфера межчеловеческого со-бытия [1, с. 293]. Прототип апеллятивного тек-

ста предстает как типизированная модель речевого социокультурного взаимодействия коммуникативных партнеров, а значит, как модель диалога, поэтому одним из основных критериев для дифференцирования текстов, объединенных коммуникативно-прагматическим заданием побуждения определенного адресата к совершению действия, является критерий их диалогической открытости.

2.2. Диалогическая открытость апеллятивного текста

Как указывалось выше, апеллятивные тексты отличаются четкой ориентацией на адресата, эксплицитной антропоцентричностью, что обуславливает наличие маркеров диалогичности, отражающих двуначалие коммуникации, репрезентирующих факт лично ориентированного общения и организующих «дистантный диалог», растянутый во времени и пространстве. Хотя нельзя отрицать, что апеллятивный текст представляет собой исходную монологическую форму речи, поскольку здесь налицо усиление роли одного активного субъекта речи (адресанта). Речепорождающая роль приемника информации либо не эксплицируется, либо присутствует в тексте опосредованно, что позволяет судить о получателе информации как о пассивном объекте коммуникации [8, с. 145–150].

Однако даже в крайней форме монолога имеет место взаимодействие субъекта с субъектом, а не субъекта с объектом [10, с. 46]. Второй субъект-адресат не является всего лишь пассивным приемником сообщения; в его внутренней речи идет интенсивная работа (комментирование, возражение, согласие и так далее), чаще всего сопровождающая восприятие информации [10, с. 46] и свидетельствующая о ментальной активности адресата. Адресант, как познающий и действующий субъект, совершает не только ментальные действия по осмыслению прочитанного, но и физические, например посткоммуникативные: ускоряет отправку документов, оформляет рекламацию на полученные товары, следует приказу и так далее. Несмотря на то что вербальная активность адресата апеллятивного текста не эксплицируется, адресат самим фактом своего существования в роли субъекта придает речевой ситуации социально значимый, коммуникативно открытый характер, способствующий дальнейшему общению.

Коммуникация начинается с апеллятивного текста, например — с текста *Bewerbungsschreiben* «Заявление о приеме на работу»,

с так называемого «текста-стимула», в котором адресант заявляет о своем намерении вступить в коммуникацию с адресатом по поводу своего трудоустройства. Если следует «текст-реакция», например *Einladung zum Vorstellungsgespräch* «Приглашение для интервью», то можно говорить о переходе монологического письменного дискурса, представленного текстом «в один конец», в диалогическую плоскость, о реализации адресованности как категории, определяющей «диалогические отношения текстов» [1, с. 36]. Дискурс, подобно диалогу, становится непрерывным: сохраняется одна тема общения [14, с. 116], происходит смена коммуникативных ролей «адресант — адресат», осуществляется обмен довольно протяженными во времени и пространстве репликами.

В апеллятивном тексте можно констатировать наличие определенной группы речевых актов, которые возникают в рамках иллокутивного «вынуждения» и становятся дополнительными сигналами диалога, заложенными в композиции апеллятивного текста. Так, текст письма-приглашения (анализируемые письма находятся в личном архиве автора статьи, ему же принадлежит перевод) с неизбежностью включает следующие речевые акты:

- обращение: *Lieber Rainer* — «Дорогой Райнер»;
- описание существующего положения дел: *am 23. September bin ich 60 Jahre alt* — «23 сентября мне исполняется 60 лет»; *Das ist zwar ein Geburtstag wie jeder andere, aber ob man will oder nicht: so ein bißchen lassen wir uns ja doch durch eine Null im Alter beeindrucken* — «Это обычный день рождения, как и любой другой, но хочешь того или нет, ноль в цифре, обозначающей возраст, производит впечатление», переходящее в обоснование просьбы: *Das erging und ergeht vor allem meiner Familie so, und deshalb haben wir beschlossen, diesen Tag etwas festlicher zu gestalten* — «Именно так было и есть в моей семье, поэтому мы решили этот день сделать более праздничным»;
- утверждение необходимости ее реализации: *Ich würde mich wirklich freuen, und das gilt ebenso für meine Familie, wenn Du kommen könntest* — «Я была бы рада, как и вся моя семья, если бы ты смог приехать»;
- выражение побуждения: *Bitte sei zum Mittagessen, gegen 12 Uhr, da. Übernachten wirst Du selbstverständlich bei uns, so daß Du am nächsten Morgen ausruht und gestärkt zurückfahren kannst* — «По-

жалуйста, приезжай на обед, к 12 часам, переночуешь, само собой разумеется, у нас, чтобы ты мог на следующее утро выспавшимся и отдохнувшим ехать назад»;

- формулы прощания: *Ganz liebe Grüße Deine Marianne* «С наилучшими пожеланиями, твоя Марианна».

Второе письмо, являясь отсроченной реакцией на «текст-стимул», также содержит признаки диалога. Автор второго письма выражает благодарность за приглашение и обосновывает свой отказ. Ответ — отказ принять приглашение включает:

- обращение: *Liebe Marianne* — «Дорогая Марианна»;
- благодарность за приглашение: *Danke für deine Einladung* — «Спасибо за приглашение»;
- отказ: *Ich bedauere sehr, nicht kommen zu dürfen* — «Я очень сожалею, что не могу приехать», переходящий в обоснование отказа: *An diesem Tag habe ich eine Dienstreise nach Stuttgart* — «В этот день у меня командировка в Штуттгарт»;
- надежду на следующую возможность встретиться: *Ich hoffe aber bei nächster Gelegenheit kommen zu können* — «Но я надеюсь приехать при первой же возможности»;
- формулы прощания: *Wünsche Dir einen schönen Tag im Kreise der Familie* — «Желаю тебе прекрасного дня в кругу семьи»; *Liebe Grüße* — «Всего хорошего»; *Rainer* — «Райнер».

Типичный, предсказуемый набор интенций и речевых актов, переводящий апеллятивный текст в диалогическую плоскость, следует отнести к виду пресуппозитивных знаний, к коммуникативно-прагматическим пресуппозициям апеллятивного текста. Данные пресуппозиции отвечают основным требованиям, предъявляемым к пресуппозитивным знаниям: они известны коммуникантам, конвенциональны, так как конвенциональны сами речевые акты [13], что и позволяет адресанту выбрать определенный речевой акт для реализации своих интенций, заложив в текст соответствующие речевой ситуации сигналы акцентированной адресованности.

Демонстрационный материал показывает, что первый апеллятивный текст — частное письмо-приглашение обуславливает появление второго апеллятивного текста — частного письма-отказа. Реактивный характер ответа на текст-приглашение, являющийся предпосылкой для появления текста-отказа и связанный с пер-

вым текстом общей темой, лежащей в речевой ситуации, подобен реплике-реакции в составе диалогического единства. Два аппеллятивных тематически взаимосвязанных текста функционируют как письменный дистантный макродиалог, состоящий из «реплики-стимула» и «реплики-реакции», при этом реплики основаны на относительно протяженных автономных блоках, являются тщательно продуманными и спланированными, обладают более широким тематическим содержанием, сложной композицией, развернутостью во времени, так как активность приемника информации не вербализуется сразу. Информационно-речевая связь субъектов коммуникации, обмен их смысловых позиций, осуществляемые посредством письменного дистантного диалога, менее динамичны в сравнении с устным диалогом, но все же поддерживают двусторонний характер общения.

Аппеллятивный текст, будучи монологическим по форме, потенциально диалогичен, интерактивен: рассчитан на появление немедленной (речевой) или посткоммуникативной реакции адресата, его со-участие, а значит, на продолжение диалога, утрату однонаправленности общения. Обращенность субъектов в «дистантном» диалоге, организованном посредством аппеллятивных текстов, является взаимной. Обращаясь к адресату аппеллятивного текста, адресант вступает с ним в диалог с целью побуждения к активности с ментальной и/или физической реакцией. Подтверждая с помощью ответного текста (речевого действия) свое вступление в диалог, адресат выступает в качестве адресанта, что приводит к смене коммуникативных ролей, к обратимости отношений «адресант — адресат — адресант». Двуначалие коммуникации посредством аппеллятивных текстов репрезентирует факт лично ориентированного общения, обращенность участников общения друг к другу и организацию «дистантного диалога».

3. Признак диалогичности как критерий разделения аппеллятивных и регулятивных текстов

Признак диалогичности позволяет провести четкую грань, отделяющую аппеллятивный текст от регулятивного текста, наделенного схожим коммуникативно-прагматическим содержанием [15]. Регулятивные тексты включают целую систему текстов различной функционально-стилевой принадлежности, объединенных нали-

чем алгоритма действий, которые адресат должен совершить [15, с. 27]. К подклассу регулятивных текстов относятся регулятивы-законы, которые образуют правовую основу общества. Регулятивы-законы представлены многочисленной группой: *Grundgesetz* «конституция», *Ehegesetz* «закон о заключении брака», *Amnestiegesetz* «закон об амнистии», *Gerichtsverfassungsgesetz* «закон о судебном производстве» и так далее. Следующий подкласс регулятивных текстов представлен регулятивами-правилами, которые регламентируют поведение человека в определенной сфере его пребывания, например *Bekleidungs Vorschriften* «дресс-код». Подкласс текстов запретов и разрешений также регулирует активность человека, например: *Rauchverbot* «запрет курения», *Badeverbot* «запрет купания», *Abtreibungsverbot* «запрет аборт», *Jagdgenehmigung* «разрешение на охоту». Регулятивы-инструкции описывают способ выполнения различных технических операций, например: *Gebrauchsvorschrift* «инструкция по использованию», *Kochanleitung* «инструкция для приготовления».

Побуждение к действию, которое реализуется в регулятивных текстах с целью ограничения ментальной или физической деятельности человека, имеет ряд характеристик, позволяющих разграничивать регулятивные и апеллятивные тексты, объединенные общей прагматикой. Важной отличительной особенностью регулятивного текста является иная в сравнении с апеллятивным текстом роль обращения. Несмотря на нахождение в препозиции к регулятивному тексту как важного структурного элемента, обращение не переводит общение в диалогическую плоскость, а лишь указывает на социально обобщенного адресата, лишённого референциальной определенности. Отсутствие референциальной определенности субъектов, их темпорально-локальных координат ведет к нивелированию дополнительных коммуникативных стратегий и тактик, способствующих эффективности воздействия, придает перлокуции однонаправленный характер. Однонаправленность общения посредством регулятивного текста поддерживается отсутствием контроля со стороны адресанта за наступлением перлокутивного эффекта. Рассмотрим пример регулятивного текста инструкции по эксплуатации предмета бытового обихода:

*Liebe Kunden,
zu Ihrer Sicherheit und Hygiene reinigen Sie die Flasche vor dem ersten*

Gebrauch. Säubern Sie Ihre Flasche nach dem Gebrauch mit warmem Wasser und Spülmittel. Tauchen Sie die Flasche nicht vollständig in Wasser ein. Trocknen sie die Flasche gründlich nachdem Sie sie entleert haben.

«Дорогие покупатели,

для Вашей безопасности и гигиены промойте термос перед первым использованием. После каждого использования промывайте термос теплой водой с применением моющего средства. Не погружайте термос в воду полностью. Основательно высушивайте термос после использования» (перевод мой. — Е. К.).

Обращение, введенное в текст данной инструкции, не является катализатором коммуникативной ситуации и может быть опущено без влияния на развитие текста. Регуляция поведения имеет однонаправленный характер и лишена обратной связи с адресатом, обнаруживая при этом ориентацию на монолог, на латентно-диалогический характер перлокуции. В регулятивном тексте вокативность, обращенность затушевываются, приобретают однонаправленный характер.

Сопоставляя регулятивные и апеллятивные тексты, можно сказать, что регулятивные тексты отвечают на вопрос «как сделать?», апеллятивные — на вопрос «что сделать?». Регулятивные и апеллятивные тексты являются монологическими по форме. При этом данные тексты, будучи потенциально диалогичными, имеют разное выражение диалогических отношений между адресатом и адресантом. Понимая диалог как фундаментальное свойство всякой речи, следует говорить о латентной диалогичности регулятивного текста, лишенной потенциального взаимодействия адресанта и адресата.

Смысловое содержание латентного диалога, реализуемого регулятивным текстом, может быть представлено на ригористично кодифицированном языке в рамках семантической теории элементарных смысловых единиц (semantic primitives), развиваемой А. Вежбицкой [21]. Этот метод ведет к моделированию и наглядному выявлению при помощи последовательности простых предложений разной степени диалогичности, реализуемой посредством апеллятивного и регулятивного текстов. В регулятивном тексте диалог имеет следующее смысловое содержание: «Я говорю Вам: выполните это, так как считаю, что Вы можете выполнить это».

В диалогически открытом апеллятивном тексте содержание диалога может быть представлено следующим образом: «Обра-

щаясь к вам, отделяя вас через обращение от других возможных адресатов, я говорю вам, выполните это, так как считаю, что вы можете и должны выполнить это, и проконтролирую выполнение». Семантический примитив дает общее представление о широкой диалогической открытости апеллятивного текста, обусловленной его эксплицитной обращенностью к адресату, о чем свидетельствует один из первых композиционно-структурных элементов апеллятивного текста, которым является обращение. Такая особенность реализации побуждения посредством апеллятивного текста, как контроль со стороны адресанта, свидетельствует о его заинтересованности в наступлении перлокутивного эффекта. Антропоцентры апеллятивного общения выступают в процессе коммуникации как взаимодействующие, рефлексизирующие личности. Названные отличия позволяют нам рассматривать апеллятивные тексты и регулятивные тексты как два отдельных класса.

4. Выводы

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с диалогической открытостью апеллятивного текста, следует отметить, что представленная в апеллятивном тексте ФСКА обуславливает его прототипические особенности. К главной прототипической особенности апеллятивного текста, определяющей наличие всех остальных, относится акцентированная с помощью ФСКА адресованность. Акцентированная адресованность превращает монологический по форме апеллятивный текст в диалогически открытый дискурс, ориентированный на конкретного адресата. Адресант апеллятивного текста, начиная коммуникацию при помощи «текста-стимула», вступает с адресатом в диалог, который является менее динамичным в сравнении с устным диалогом, но все же рассчитанным на активное понимание и продолжение в виде ответного «текста-реакции». Таким образом, создается дистантный макродиалог с обратимостью личностно ориентированных отношений «адресант — адресат», со сменой реплик, объединенных на тематической основе, подобно смене коммуникативных ролей и реплик в диалогическом единстве.

Литература

1. *Бахтин, М. М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
2. *Бондарко, А. В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
3. *Бондарко, А. В.* Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 260 с.
4. *Бондарко, А. В.* Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 208 с.
5. *Бондарко, А. В.* Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
6. *Бюлер, К.* Теория языка: репрезентативная функция / пер. с нем. М.: Наука, 1993. 528 с.
7. *Звегинцев, В. А.* Мысли о лингвистике. М.: ЛКИ, 2008. 336 с.
8. *Каган, М. С.* Мир общения. М.: Политическая литература, 1988. 315 с.
9. *Комлева, Е. В.* Апеллятивность и текст. СПб.: Реноме, 2014. 354 с.
10. *Кучинский, Г. М.* Психология внутреннего диалога. Минск: Университетское изд-во, 1988. 304 с.
11. *Леонтьев, А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
12. *Маслов, Ю. М.* Введение в языкознание: учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1998. 298 с.
13. *Остин, Дж.* Слово как действие / пер. с англ. А. А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
14. *Славгородская, Л. В.* Научный диалог. Л.: Наука, 1986. 220 с.
15. *Руберт, И. Б.* Становление и развитие английских регулятивных текстов. СПб.: Образование, 1995. 209 с.
16. *Якобсон, Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
17. *Amter, K.* Einführung in die Sprachwissenschaft. Bd. 1. Halle: VEB Max Niemeyer Verlag, 1958. 212 S.
18. *Brinker, K.* Textlinguistik: Studienbiographie. Heidelberg: Universität, 1993. 178 S.
19. *Nord, C.* So treu wie möglich? Die linguistische Markierung kommunikativer Funktion und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1997. S. 35–59.
20. *Schmidt, W.* Zur Theorie der funktionalen Grammatik // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1969. Bd. 22, Nr. 2. S. 135–151.
21. *Wierzbicka, A.* Semantic Primitives. Frankfurt: Athenäum Verlag, 1972. 253 S.

References

1. Bakhtin, M. M. *Collected Works*, in 7 vol., vol. 5, Works of the 1940s — early 1960s. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 732 p. (In Russian)
2. Bondarko, A. V. *Functional Grammar*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 136 p. (In Russian)
3. Bondarko, A. V. *Basics of Functional Grammar. Language Interpretation of the Idea of Time*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 1999, 260 p. (In Russian)
4. Bondarko, A. V. *Theoretical Problems of Russian Grammar*. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2004, 208 p. (In Russian)
5. Bondarko, A. V. *Grammar System Categorization*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2011, 488 p. (In Russian)
6. Bühler, K. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*, transl. from German. Rus. ed. Moscow, Nauka Publ., 1993, 528 p. (In Russian)
7. Zvegintsev, V. A. *Thoughts on Linguistics*. Moscow, LKI Publ., 2008, 336 p. (In Russian)
8. Kagan, M. S. *World of Communication*. Moscow, Politicheskaiia literatura Publ., 1988, 315 p. (In Russian)
9. Komleva, E. V. *Appeal and Text*. St. Petersburg, Renome Publ., 2014, 354 p. (In Russian)
10. Kuchinskii, G. M. *Psychology of Internal Dialogue*. Minsk, Universitetskoe izd-vo Publ., 1988, 304 p. (In Russian)
11. Leont'ev, A. A. *Language, Speech, Speech Activity*. Moscow, KomKniga Publ., 2005, 216 p. (In Russian)
12. Maslov, Iu. M. *Introduction to Linguistics: A Textbook for Specialties of Universities*, 3rd ed., revis. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1998, 298 p. (In Russian)
13. Austin, J. How to Do Things with Worlds, transl. from English by A. A. Mednikova. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, issue 17. Rus. ed. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 151–169. (In Russian)
14. Slavgorodskaiia, L. V. *Scientific Dialogue*. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 220 p. (In Russian)
15. Rubert, I. B. *Formation and Development of English Regulatory Texts*. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1996, 209 p. (In Russian)
16. Jakobson, R. O. Linguistics and Poetics. *Strukturalizm «za» i «protiv»*. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230. (In Russian)
17. Ammer, K. *Einführung in die Sprachwissenschaft*, vol. 1. Haale, VEB Max Niemeyer Verlag, 1958, 212 p.
18. Brinker, K. *Textlinguistik: Studienbiographie*. Heidelberg, Universität Publ., 1993, 178 p.
19. Nord, Ch. So treu wie möglich? Die linguistische Markierung kommunikativer Funktion und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte. *Linguistik und Literaturübersetzen*. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 1997, pp. 35–59.

20. Schmidt, W. Zur Theorie der funktionalen Grammatik. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1969, vol. 22, no. 2, pp. 135–151.

21. Wierzbicka, A. *Semantic Primitives*. Frankfurt, Athenäum Verlag, 1972, 253 p.

Комлева Елена Валерьевна

профессор кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета, доктор филологических наук

Адрес: Российская Федерация, 460014, Оренбург, ул. Советская, 19

Elena V. Komleva

Professor at the Department of Foreign Languages,

Orenburg State Pedagogical University, Doctor of Philological Sciences

Address: 19, Sovetskaya str., Orenburg, 460014, Russian Federation

E-mail: elena.v.komleva@gmail.com

SPIN-код: 7017-5375; AuthorID: 348/932